

Е Синьянь наконец не выдержал и заговорил. Его голос был негромким, но достаточно четким, чтобы Мужун Цзиньнань услышал:

— Опустить меня, твоя рука...

— Молчи! — резко прервал его Мужун Цзиньнань.

Ладно. Стараясь не усиливать свою боль, Е Синьянь осторожно вздохнул и спокойно устроился в объятиях Мужун Цзиньнаня.

— Пусть все вернется, искать больше не нужно.

— А Е Синьянь...

— Он поможет нам. Даже если он будет сопротивляться, кто-то другой заставит его подчиниться.

Мужчина стоял у окна, его величественная фигура казалась загадочной.

.....

С наступлением сумерек стало ясно, что они не успеют уйти до темноты. Мужун Цзиньнань взглянул на человека в своих руках. Е Синьянь прижался головой к его груди, на лице его читалась печаль, но он молчал, не издавая ни звука.

Мужун Цзиньнань сказал:

— Скоро стемнеет, здесь могут быть звери, нам нужно найти место, чтобы переночевать.

Е Синьянь кивнул, а когда Мужун Цзиньнань снова начал двигаться, он смял его одежду на груди.

Мужун Цзиньнань посмотрел на него:

— Тебе очень плохо?

Е Синьянь постарался сглотнуть подступившую горечь, но не сдержался и закашлялся, оставив на одежде кровавые пятна. Мужун Цзиньнань хотел опустить его, но Е Синьянь крепко держался за него.

— Если я умру здесь...

— Молчи! — Мужун Цзиньнань выглядел разгневанным. — Ты считаешь мои слова пустым звуком? Я сказал, если ты еще раз произнесешь это слово, я призову тебя к военной ответственности!

Он крепче обнял его и прошептал на ухо:

— Я хочу, чтобы ты жил.

Е Синьянь с легкой усмешкой ответил:

— Вдруг вспомнилось детство. С одной стороны, казалось, что смерть принесет облегчение, с другой — не хотелось умирать.

Мужун Цзиньнань с раздражением сказал:

— Ты так мало меня уважаешь? Ты просто обязан постоянно упоминать это слово?

Е Синьянь усмехнулся. Впрочем, какая разница, говорить или не говорить о смерти? Факты не изменятся от слов. Е Синьянь не раз сталкивался с ситуациями, где смерть была близка, но на этот раз...

— Мужун Цзиньнань, можешь сделать для меня одну вещь?

Мужун Цзиньнань оставался бесстрастным, голос его был холоден:

— Могу. Но ничего не бывает просто так. Я выполню любое твое желание, но с одним условием: ты должен выжить и выбраться отсюда.

Е Синьянь не сказал ни «да», ни «нет», лишь продолжил:

— Я не знаю, насколько можно доверять словам Лэй Вэня, но моя мама... Сейчас я и Синъюй не можем с ней связаться. Не знаю, может, она тоже в его руках. Я хочу, чтобы ты навел справки.

Мужун Цзиньнань сжал губы, не дав ответа, но Е Синьянь знал: независимо от того, выживет он или нет, Мужун Цзиньнань обязательно разузнает.

Пока они пребывали в мрачных мыслях, они нашли пещеру. Мужун Цзиньнань осторожно уложил Е Синьяня внутрь. На нем все еще была пижама, в которой он сбежал от Лэй Вэня. Хотя здесь было тепло, но в таких тонких вещах в горах ночью было бы холодно.

Мужун Цзиньнань снял свою куртку и накинул ее на Е Синьяня, затем вышел наружу, чтобы собрать дрова и развести костер.

Тело Е Синьяня было почти ледяным. Неизвестно, было ли это психологическим эффектом, но ему казалось, что прижавшись к теплой груди Мужун Цзиньнаня, он почувствовал себя лучше. Но это утешение длилось недолго.

Мужун Цзиньнань осторожно усадил его у стены и встал:

— Мне нужно найти еду. Жди меня здесь.

Е Синьянь шевельнул бледными губами и тихо сказал:

— Стемнело, это опасно. Потерпи до утра.

— Жди.

Сказав только это, Мужун Цзиньнань вышел из пещеры. Он мог терпеть, но Е Синьянь — нет. Состояние Е Синьяня выглядело ужасным, ему нужна была еда и вода. Он ни за что не позволит ему умереть здесь.

Время шло, Е Синьянь смотрел на мерцающее пламя костра, чувствуя, как ему становится все холоднее, а огонь, кажется, слабеет. Сколько времени прошло с тех пор, как Мужун Цзиньнань ушел? Не случилось ли с ним что-то? Или он не может найти дорогу обратно?

Е Синьянь думал об этом, тело его медленно склонилось на землю.

— Аянь, Аянь...

Он услышал, как его зовут, с трудом открыл глаза. Перед ним был встревоженный взгляд Мужун Цзиньняня и кровь на его одежде.

— Что...

Не успев договорить, он заметил тело волка, лежащее в пещере.

Е Синьянь с изумлением посмотрел на Мужун Цзиньняня, с недоверием вытер кровь у его рта:

— Ты... Неужели ты загрыз волка?

Мужун Цзиньнянь поправил его одежду, ничего не ответив, и повернулся к костру. Огонь, который еще недавно горел, теперь погас, остались лишь обгоревшие дрова. Мужун Цзиньнянь пытался разжечь их снова.

Е Синьянь приоткрыл глаза, наблюдая, как Мужун Цзиньнянь сначала поджигает легковоспламеняющиеся ветки, а затем невольно посмотрел на тело волка. Возможно, это будет их ужин, вернее, уже ночной перекус. Мужун Цзиньнянь действительно был страшным человеком.

Он не ошибся. Это была добыча, которую принес Мужун Цзиньнянь. Тот потратил немало сил, чтобы снять шкуру с волка.

— Ты жестокий.

Когда Мужун Цзиньнянь с добротой обнял Е Синьяня и протянул ему кусок мяса, тот с горечью произнес.

Мужун Цзиньнянь ответил:

— Ты должен быть благодарен, что он попал в наши желудки, а не я — в его. Иначе тебе пришлось бы голодать здесь.

Е Синьянь не хотел отказывать Мужун Цзиньняню и не желал его обижать, но, откусив один раз, больше не мог есть. Дело было не во вкусе, а в том, что пища вызывала у него тошноту. Возможно, с желудком что-то не так. После утреннего приступа он словно онемел, но теперь, когда он попытался его накормить, тот снова взбунтовался.

— Что случилось, тебе плохо? — спросил Мужун Цзиньнянь, в голосе его слышалась тревога.

Е Синьянь покачал головой:

— Я не могу есть. Ты ешь.

Мужун Цзиньнянь не взял мясо, а собирался снова выйти. Но, не успев встать, он почувствовал, как Е Синьянь схватил его за край одежды.

— Куда ты идешь?

— Я найду тебе ягод. В горах точно есть дикие плоды.

Е Синьянь дернул его за одежду:

— Не уходи. Останься, я не хочу быть один.

Я не хочу умереть в одиночестве.

— Но...

Увидев умоляющий взгляд Е Синьяня, Мужун Цзиньнань не смог продолжить. Он сел и обнял его.

Е Синьянь прижался к Мужун Цзиньнаню, без сил произнеся:

— Когда ты понял, что я тот самый малыш?

Мужун Цзиньнань улыбнулся с едва уловимым смыслом.

Не дождавшись ответа, Е Синьянь спросил:

— Тогда ты даже не знал моего имени. Как ты нашел меня?

Мужун Цзиньнань ответил:

— Разве я не нашел?

Он нежно поцеловал его в лоб.

— Когда я впервые увидел тебя, ты сидел на скамейке под деревом и плакал. Хе, я не любитель вмешиваться в чужие дела, но в тот день почему-то подошел и даже дал тебе свой новый платок, чтобы ты вытер нос.

Никакой романтики с детскими клятвами и подарками, ведь тот платок, испачканный соплями, Е Синьянь тут же выбросил в мусорное ведро.

Е Синьянь сделал невинное и смущенное выражение лица:

— Я думал, что ты его бросил. Платок испачкался, и я просто выкинул его.

— Я знал.

Мужун Цзиньнань улыбнулся.

— Ты выбросил его при мне.

Тогда Е Синьяню было восемь, а Мужун Цзиньнаню — пятнадцать. Е Синьянь прижался к Мужун Цзиньнаню, глядя на мерцающий огонь, словно снова видел того юношу, утешавшего его в тот жаркий летний день.